

УДК 343.98

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).784-793

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

Д.Ш. Пирбудагова, З.М. Мусалова

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

28 апреля 2016 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Гражданское общество; экстремизм; противодействие; семья; общественные объединения; СМИ; местное самоуправление

Аннотация. Статья посвящена исследованию включения институтов гражданского общества в процесс противодействия экстремизму. Раскрыт масштаб проблемы экстремизма в современном мире. На основе анализа взглядов различных авторов делается вывод о том, что любая форма экстремизма начинается с категорического неприятия иного представления о мире. Отмечается, что в отношении профилактики экстремизма и противодействия ему необходим дифференцированный подход в зависимости от типа экстремизма. При этом говорится о том, что в России в последние годы наибольшее распространение получили его религиозная и националистическая формы. Обозначена необходимость развития в обществе единой идеологии, способной противостоять любым проявлениям экстремистского характера, а также решения этой задачи с участием институтов гражданского общества, среди которых авторы выделяют семью, общественные организации, СМИ, в том числе и в сети Интернет, а также местное самоуправление. Дается характеристика участия указанных институтов в системе противодействия экстремизму. В противодействии экстремизму в молодежной среде отмечается особая роль семьи как ключевого фактора в формировании личности. Также делается вывод о большом значении СМИ, но говорится и об опасности их влияния. Вместе с признанием положительного влияния общественных объединений отмечается необходимость контроля со стороны государства за их деятельностью. Также раскрывается особая роль местного самоуправления в системе противодействия экстремизму, обусловленная его двойственным характером. Рассматривается опыт некоторых республик в создании различного рода комиссий, деятельность которых направлена на противодействие экстремизму. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости дальнейшего включения институтов гражданского общества в систему противодействия экстремизму в России.

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN COUNTERACTING EXTREMISM IN RUSSIA

Diana Sh. Pirbudagova, Zaira M. Musalova

Dagestan State University, Makhachkala, the Russian Federation

Article info

Received

2016 April 28

Accepted

2017 November 27

Available online

2017 December 15

Keywords

Civil society; extremism; counteraction; family; public organizations; mass media; local governance

Abstract. The article studies the inclusion of civil society institutions in the process of counteracting extremism. It describes the scale of the problem of extremism in the modern society. The analysis of the approaches of different researches allows the authors to conclude that any form of extremism starts with a categorical refusal to accept an alternative worldview. They note that extremism prevention and counteraction require a differentiated approach depending on the type of extremism. Religious and nationalistic extremism has become the most widespread form of extremism in recent years in Russia. The authors believe that it is necessary for the society to develop a common ideology that could resist any manifestations of extremism and that this task should be fulfilled with the participation of such civil society institutions as family, public organizations, mass media, including the Internet, and local governance. They characterize the role of each of these institutions in the system of extremism counteraction. The authors stress that the family is the key factor in the molding of a personality, so it plays a special part in counteracting extremism among young people. They conclude that mass media have a great significance but also discuss the danger of their influence. While recognizing the positive impact of public organizations, the authors note that their activities should be controlled by the state. The authors also describe a special role of local governance in the system

© Д.Ш. Пирбудагова, З.М. Мусалова, 2017

of extremism counteraction, which is determined by its dual character. They analyze the experience of some republics in setting up different committees whose activities are aimed at counteracting extremism. The conducted analysis allows the authors to conclude that it is necessary to continue the work of including the civil society institutions in the system of extremism counteraction in Russia.

В последние годы одной из ключевых проблем в области национальной безопасности Российской Федерации выступает противодействие распространению экстремистских взглядов. Вместе с тем геополитические процессы в мире на современном этапе свидетельствуют о том, что данная проблема имеет далеко не внутригосударственный и не региональный характер. В настоящее время экстремизм превратился в общемировую проблему, представляющую серьезную угрозу безопасности и сохранению целостности любого государства. Американский социолог Б. Дженкинс, говоря об общемировом масштабе этой проблемы, указывал на то, что грядет время противостояния не государств, а отдельных, радикально настроенных групп людей [1, р. 93; 2, с. 30].

В то же время исследование понятия экстремизма, его форм, вопросов противодействия ему, а также особенностей экстремистских проявлений в странах с различными экономическими, политическими, социальными, историческими и культурными характеристиками позволит выявить общие подходы и положительный опыт, что, в свою очередь, безусловно, будет способствовать решению данной проблемы.

Американский исследователь распространения терроризма и экстремизма Уолтер Лакер насчитал более ста определений экстремизма и терроризма и пришел к выводу, что все они содержат общую черту — «экстремизм предполагает насилие и угрозу применения насилия» [3, р. 6]. Немецкий политолог Уве Бакес определяет экстремизм как «политический дискурс, программу и идеологию, которые явно или неявно направлены против основополагающих ценностей и правил демократических конституционных государств» [4]. Клаус Валь, анализируя причины появления одной из форм экстремизма — ксенофобии, отмечает, что за ней «лежит враждебность личности, которая связывается с нарушением базового чувства доверия к миру, с развитием иррационального страха перед людьми, которые на неосознанном уровне воспринимаются как чужие или враги» [5].

Как отмечает Ю.П. Зинченко, «экстремизм — это агрессия, направленная против изменений

существующего социального порядка. ...Экстремизм, по существу, есть борьба поставленных в критическую ситуацию социальных групп чрезвычайными средствами и способами за сохранение своего физического существования и культурной идентичности. Но важно подчеркнуть, что это борьба деструктивная и иллюзорная, которая не разрешает, а лишь усугубляет критическое положение данной социальной группы» [6, р. 31].

Таким образом, в основе любой формы экстремизма лежит категорическое неприятие иного представления о мире и использование различного рода радикальных мер для достижения своих целей. Значит ли это, что и подходы к противодействию ему также должны быть общими?

Многие авторы, отмечая, что природа экстремизма динамична и разнообразна, делают вывод о том, что невозможно выработать единые подходы к предупреждению экстремизма и противодействию ему для всех его типов (напр.: [7]). По их мнению, в превентивных и противодействующих мерах более целесообразно использовать специфические механизмы, учитывающие особенности конкретных форм экстремизма.

Существует множество подходов к классификации форм экстремизма. К примеру, Л.В. Баева выделяет восемь разновидностей экстремизма, отмечая среди них даже «моральный экстремизм» [8]. Не углубляясь в дискуссию по поводу форм экстремизма, хотелось бы отметить, что в России в последние годы наибольшее распространение получил религиозный и националистический экстремизм. Именно поэтому в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается необходимость создания эффективных механизмов урегулирования межнациональных конфликтов, активизации работы по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма.

Следует отметить, что ключевым фактором экстремизма, без устранения влияния которого основа для различных его проявлений будет сохраняться, выступают проблемы социально-экономического характера, включая низкий

жизненный уровень населения, безработицу, низкий уровень образования и пр. Отсутствие реальных сдвигов в этом направлении в конечном счете отразится не только на общем уровне социально-экономического развития России, но и на политической стабильности в стране. Кроме того, не следует забывать и о необходимости формирования в России единой идеологии, которая разделялась бы большинством населения вне зависимости от самоидентификационной и конфессиональной составляющей [9].

Противодействие экстремизму в Российской Федерации — это одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности на государственном уровне, решение которой предопределило создание в последние годы его системы. Следует отметить, что особая роль институтов гражданского общества в решении указанной задачи нашла отражение во многих программных документах и научных исследованиях. В частности, А.В. Роговая, раскрывая основные принципы построения такой системы, отмечает необходимость комплексного решения проблемы в сфере идеологического противодействия экстремизму и терроризму посредством организационных и правовых форм обеспечения взаимодействия всех субъектов правоотношений, включая органы публичной власти, институты гражданского общества, а также представителей культурных и образовательных организаций [10, с. 38].

Говоря о роли институтов гражданского общества в механизме противодействия экстремизму, необходимо определиться с содержанием этого понятия и его элементов. В правовой доктрине в целом прослеживается сходство подходов к пониманию содержания институтов гражданского общества как некоей совокупности форм осуществления деятельности различных общностей людей, объединенных общими целями и интересами. Однако при этом следует понимать, что не всякую общность людей с общими целями и задачами можно отнести к институтам гражданского общества, а лишь ту, которая в своей деятельности опирается на правовые ценности самого гражданского общества. В этой связи нельзя не согласиться с позицией Д.Г. Шустрова, отмечающего двуединую сущность институтов гражданского общества, которая включает, с одной стороны, объединения людей (в том числе общественные объединения, семью как социальный институт, средства массовой информации, а также местное самоуправление), а с другой — ценности, на которых

основывается гражданское общество и которыми руководствуются ее элементы, прежде всего гуманизм, верховенство права, плюрализм, свобода, демократия, равноправие, светскость, собственность, свобода труда, экономическая свобода, конкуренция и др. [11]. Соглашаясь в целом с позицией автора, хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, к институтам гражданского общества, включенным в процесс противодействия экстремизму, следует отнести семью, общественные организации, СМИ, а также местное самоуправление.

Что касается роли семьи в системе профилактики экстремизма и противодействия ему, то она обусловлена тем, что истоки формирования любой личности лежат именно в семье. Как справедливо отмечает А.И. Тащёва, «именно в безопасных условиях семьи ребенок получает первые навыки и опыт социальной перцепции — опыт восприятия и понимания самого себя, близких и посторонних людей; людей, похожих на него и от него в разной мере отличающихся» [12].

Роль семьи в системе противодействия экстремизму имеет и вполне конкретные формы. В частности, в некоторых странах к переговорам с преступниками, захватившими заложников, привлекают членов их семей. В последние годы и в России используют эту форму для предотвращения терактов и предупреждения других проявлений экстремизма.

Во многих странах семья не только выступает одним из механизмов предупреждения экстремизма, но и несет бремя ответственности вместе или вместо самого террориста. Зачастую спецслужбы применяют санкции не только к террористу-самоубийце, «если его удалось обезвредить, но и к его семье. Они выселяются из дома, который в дальнейшем сносится, работают со всеми остальными родственниками. И надо сказать, что очень часто родственники террористов идут на сотрудничество со спецслужбами. Это позволяет предотвращать теракты» [13]. Такая ситуация, в частности, характерна для Израиля, хотя и там нет единства в отношении того, должны ли члены семьи террориста отвечать за его действия.

Еще 2010 г. представители партии ЛДПР предложили законопроект, предусматривающий материальную ответственность членов семьи за ущерб, причиненный в результате террористического акта. Данный законопроект не был поддержан, но уже 2 ноября 2013 г. был принят Федеральный закон Российской Феде-

рации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 302-ФЗ, согласно которому ущерб от терактов возмещают не только сами террористы, но и их близкие родственники при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены ими в результате террористической деятельности и (или) являются доходом от такого имущества. В то же время многие авторы отмечают, что данное положение может вызвать многочисленные проблемы коррупционной составляющей [14].

Очевидно, что потенциал семьи в отношении противодействия экстремизму значителен, вместе с тем в нашей стране он используется не в полной мере. И это при том, что особенно эффективно этот фактор может быть использован именно в подростковой и молодежной среде — наиболее подверженной идеям экстремистского характера социальной группе. По мнению некоторых исследователей, одним из направлений молодежной политики должно стать культивирование семейных ценностей, являющихся действенным идеологическим фактором противодействия экстремизму [15]. Как отмечает М.А. Хадысов, «особенности личности экстремиста применительно к России связаны с тем, что в основном экстремистские преступления совершаются людьми молодого возраста и несовершеннолетними. Это объяснимо, поскольку именно молодежи присущ радикализм во взглядах и оценках, максимализм в неприятии несправедливостей. С другой стороны, молодежь подвержена чрезмерному влиянию со стороны идеологов экстремистских учений» [16]. А.А. Чекалина, анализируя опыт противодействия экстремизму среди молодежи в Великобритании, отмечает особую роль в системе профилактики экстремизма «внутрисемейного общения» [17].

В целом хотелось бы отметить, что в полной мере противостоять экстремизму семья, безусловно, не может, однако некоторое влияние оказать вполне способна. По словам И.Н. Патрушевой, «любое пренебрежительное отношение к семье ведет не только к снижению ее престижа, но и, как следствие, потере духовно-нравственных традиций, формированию эгоистического сознания, потребительского отношения к миру» [18]. Последствиями такого отношения к семье, по мнению Н.И. Пишикиной, выступают «расширение масштабов экстремизма и терроризма, активное вовлечение молодых людей в сферу этой преступной деятельности» [13].

Среди субъектов гражданского общества в системе профилактики экстремизма в России, на наш взгляд, ключевую роль играют общественные объединения и СМИ. Многие авторы отмечают необходимость подключения к решению данной проблемы различных общественных объединений [19].

Среди общественных объединений особое место в контексте рассматриваемой проблематики занимают религиозные. Как отмечает С.-Х.М. Нунуев, в настоящее время особенно важно наладить эффективное взаимодействие органов государственной власти с исламскими религиозными объединениями на Северном Кавказе [20]. Однако сделать это возможно лишь при должном правовом и организационном обеспечении такого взаимодействия [21, с. 24]. По словам И.Ю. Миряйкина, одной из проблем борьбы с религиозным экстремизмом выступает недостаточный контроль со стороны государства за деятельностью многочисленных религиозных групп [22].

Вместе с тем для современных государств характерно усиление своего контролирующего влияния в отношении общественных объединений. По словам Д.И. Махник, признаком развития современного международного и внутригосударственного российского законодательства о правах и свободах человека выступает значительное влияние на этот процесс фактора борьбы с экстремизмом и терроризмом, что выражается в расширении полномочий правоохранительных органов, а также во введении ряда ограничений конституционных прав и свобод личности на законодательном уровне [23, с. 126].

Не менее значительна в противодействии терроризму и роль средств массовой информации [24]. Как отмечает Л.В. Попова, «средства массовой информации оказывают огромное психологическое воздействие на аудиторию в сфере собственно деятельности в ее реальном осуществлении и в ценностно-смысловой сфере личности, трансформируя ее мотивы, потребности, установки, ценностные ориентации и формируя стереотипы» [25]. Вместе с тем не всегда это влияние используется в благих целях. Анализ степени и содержания вовлеченности журналистского сообщества в процесс формирования в обществе толерантности показал, что зачастую СМИ играют совершенно противоположную роль, выступая скорее как фактор интолерантности, усиливая напряженность в обществе, способствуя формированию эгоцен-

трического типа культуры межличностных и социальных отношений [26, с. 117]. В свою очередь, отдельными исследователями отмечается необходимость освещения в СМИ причинно-следственной связи экстремистских настроений как условие, способствующее эффективному искоренению этого зла [27].

В век информационных технологий информационная безопасность общества и личности является одной из важнейших задач государства. В связи с этим многие страны принимают некоторые ограничительные меры в целях защиты своих граждан от информационного воздействия. По мнению Д.Г. Выговской, информационно-психологическая безопасность представляет собой «состояние защищенности отдельных лиц или групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий» [28]. При этом, по словам Ю.В. Буровой и И.В. Брежнева, «оправдание терроризма и экстремизма через средства массовой информации во многом становится угрозой информационной безопасности в современной России» [29].

Из всех средств массовой информации особо можно выделить те, которые находятся в сети Интернет. В.А. Епифанцев и Д.В. Сочнев отмечают способность экстремизма и терроризма к быстрому видоизменению, к адаптации к современным информационным и техническим реалиям и к их активному использованию, в связи с чем определенную роль играет информационное противодействие им. При этом экстремисты активно применяют для распространения своих идей сеть Интернет, создают многочисленные блоги, открывают странички в различных социальных сетях, что является своего рода формами поиска и вовлечения новых единомышленников [30]. Именно поэтому особенно активно на распространение экстремизма в последние годы влияет Интернет, прежде всего это актуально для молодежной среды.

Как отмечают некоторые авторы, «обнаружены статистические значительные эффекты воздействия радикального содержания СМИ на политические вандализм и насилие в тех случаях, когда люди активно ищут экстремистское содержание в Интернете, в противоположность пассивным и случайным находкам» [31]. В связи с этим представляется, что противодействие экстремизму следует вести в том числе и в сети Интернет.

Вместе с тем СМИ могут, безусловно, сыграть и значительную положительную роль

в противодействии экстремизму. По словам Д.В. Сочнева и Е.Г. Трухиной, «одним из направлений противодействия экстремизму должна стать работа со СМИ» [32].

Порядка 20 федеральных законов прямо закрепляют обязанность участия органов местного самоуправления в противодействии экстремизму и терроризму. Особенности реализации данных полномочий определяются двойственным характером органов местного самоуправления: с одной стороны, это уровень публичной власти, с другой — институт гражданского общества. Безусловно, вопросы безопасности относятся к прерогативе государственных органов. В связи с этим представляется, что возможности местного самоуправления в отношении выявления и пресечения проявлений экстремизма весьма ограничены. Специфика местного самоуправления в большей степени соответствует задачам предупреждения экстремизма и минимизации и (или) ликвидации его последствий, причем в основном они реализуются совместно с соответствующими органами государственной власти.

В частности, согласно нормам действующего законодательства, регламентирующего деятельность органов местного самоуправления в области противодействия экстремизму и терроризму, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции. При этом полномочия муниципальных образований ограничиваются профилактикой экстремизма, также муниципалитеты участвуют в минимизации и ликвидации его проявлений.

Характер участия муниципальных образований в системе противодействия экстремизму свидетельствует о приоритете предупредительных, или профилактических, мер. Очевидно, что данное направление будет эффективным лишь при полноценном взаимодействии органов местного самоуправления, правоохранительных органов, общественных объединений, трудовых коллективов и населения муниципального образования и координации ими совместных усилий.

В то же время существуют и конкретные формы реализации вышеуказанных полномочий местным самоуправлением, к которым Е.В. Троицкая относит муниципальную милицию, полицию общественной безопасности, добровольные народные дружины, муници-

пальные казачьи дружины [33]. Автор также отмечает, что данные формы в полной мере не отражают те задачи, которые закреплены в Федеральном законе «О противодействии терроризму».

По мнению Е.В. Сальникова, в отличие от правоохранительных органов, органы местного самоуправления включаются в систему противодействия экстремизму до того момента, когда наступают основания для привлечения к уголовной ответственности [34]. Профилактический, или превентивный, характер полномочий муниципалитетов по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма обусловлен их приближенностью к населению. Организационными формами работы в данном направлении выступают в основном районные антитеррористические комиссии (АТК) в рамках указаний Национального антитеррористического комитета, которые осуществляют свою деятельность во взаимодействии с органами местного самоуправления и правоохранительными органами. Кроме того, во многих муниципальных образованиях принимаются программы по противодействию экстремизму и терроризму, осуществляется профилактическая работа с различными общественными объединениями, трудовыми коллективами, населением, в том числе на сходах жителей, также ведется активное взаимодействие с местными СМИ.

Во многих субъектах РФ в различных формах оказывается поддержка негосударственным общественным структурам, которые в своей деятельности ориентированы на создание в регионе атмосферы межрелигиозного и межнационального согласия, сглаживание различного рода конфликтов. В качестве примера можно привести организации «Союз народов Ставрополя «За мир на Кавказе», «Высший совет осетин» и др., также в данном направлении активно работают национальные диаспоры.

В некоторых регионах реализуются проекты, направленные на формирование этнической и религиозной толерантности среди детей, подростков, молодежи. Так, при непосредственном участии АТК в отдельных республиках Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания) в последние годы активно реализуется межрегиональный молодежный проект «Куначество». Формами работы данного проекта выступают различные массовые мероприятия с привлечением детей и молодежи из республик Северного Кавказа. Также в качестве

положительного опыта можно назвать создание в Республике Северная Осетия — Алания такого проекта, как «Мир — детям Кавказа», который стал площадкой активного общения школьников из соседних республик посредством так называемых визитов дружбы.

Особо следует отметить опыт тех субъектов РФ, в которых проблема противодействия экстремизму стоит особенно остро, в создании органов, призванных осуществлять своего рода реабилитацию лиц, ранее вовлеченных в деятельность экстремистских организаций, — комиссий по адаптации. Такие комиссии были созданы в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Их специфика в том, что в их состав входят представители как органов власти и управления, так и различных общественных организаций религиозного характера, духовенства. Несмотря на то что опыт работы этих органов пока небольшой, тем не менее уже есть положительные результаты. В частности, в Дагестане за относительно недолгий период порядка 20 человек было выведено из бандитского подполья¹. Вместе с тем существуют и критики деятельности указанных органов, основным аргументом которых является то, что комиссии не дают реальных гарантий безопасности, в связи с чем процент обращений к ним незначителен. Тогда глава Республики Ингушетия сам выступил в качестве такого гаранта. Кроме того, с 22 октября 2012 г. работает горячая линия главы республики для обращений членов незаконных вооруженных формирований, желающих вернуться к мирной жизни.

22 февраля 2013 г. глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов, выступая на заседании Совета глав муниципальных районов и городских округов, заявил о необходимости создания республиканской миротворческой комиссии. Он отметил, что работа по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность, на территории Дагестана будет продолжена. Комиссия по примирению и согласию стала альтернативой Комиссии по адаптации боевиков к мирной жизни, но, в отличие от последней, кроме вопросов противодействия экстремизму решает и целый ряд других.

Анализируя опыт работы региональных комиссий по адаптации, следует отметить ту

¹ Комиссия по примирению и согласию Дагестана «вывела из леса» 20 боевиков. URL: <http://www.regnum.ru/news/accidents/1667629.html>.

безусловно положительную роль, которую они играют в противодействии распространению терроризма и экстремизма, вместе с тем в настоящее время потенциал данного института реализован не полностью.

В завершение хотелось бы отметить, что в современных условиях экстремизм представляет собой мощную силу, имеющую серьезную идеологическую основу. Корнями экстремизм зачастую уходит в семью, в личные взаимоотношения, в те сферы общественной жизни, куда государство не может и не должно вторгаться. Само общество должно сформировать своего рода иммунитет к идеологии насилия. В связи с этим одним из важнейших условий эффективного противодействия распространению экстремизма выступает формирование национальной идеи, способной консолидировать общество, выработать

и культивировать общие ценности. Достичь этого исключительно с помощью государственного механизма невозможно, именно поэтому очень важно включение в систему противодействия экстремизму институтов гражданского общества.

Представляется, что именно развивающееся гражданское общество, его институты и элементы, будучи наиболее активной частью общества, обладающей определенным потенциалом влияния на общественное сознание, способны сформировать культуру неприятия любых идей экстремистского характера. Отсутствие поддержки любым проявлениям экстремизма со стороны общества, несомненно, будет способствовать искоренению этого явления, установлению гражданского мира и объединению усилий граждан, общества и государства в восстановлении и укреплении экономического и политического потенциала нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clutterbuck R. *Terrorism, drugs and Crime in Europe after 1992* / R. Clutterbuck. — London : Taylor and Francis, 1990. — 256 p.
2. Устинов В.В. *Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика* / В.В. Устинов. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 560 с.
3. Laqueur W. *The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction* / W. Laqueur. — New York : Oxford Univ. Press, 1999. — 320 p.
4. Backes U. *Politische Extreme. Eine Wort — und Begriffsgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart* / U. Backes. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. — 310 S.
5. Wahl K. *Development of Xenophobia and Aggression* / K. Wahl // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. — 2002. — Vol. 26, iss. 2. — P. 247–256.
6. Zinchenko Yu.P. *Extremism from the perspective of a system approach* / Yu.P. Zinchenko // *Psychology in Russia: State of the Art*. — 2014. — Vol. 7, iss. 1. — P. 23–33. — DOI: 10.11621/pir.2014.0103.
7. Bjorgo T. *Dreams and disillusionment: engagement in and disengagement from militant extremist groups* / T. Bjorgo // *Crime, Law and Social Change*. — 2011. — Vol. 55, iss. 4. — P. 277–285. — DOI: 10.1007/s10611-011-9282-9.
8. Баева Л.В. *Экстремизм: природа и формы проявления* / Л.В. Баева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2008. — № 3. — С. 21–25.
9. Pirbudagova D. *Some Aspects of Countering the Extremist Ideology in the Russian Regions* / D. Pirbudagova, Z. Musalova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. — 2015. — Vol. 6, no. 6 S5. — P. 122–128. — DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s5p122.
10. Роговая А.В. *О взаимодействии правоохранительных органов и гражданского общества в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма (экспертное мнение)* / А.В. Роговая // *Мониторинг правоприменения*. — 2013. — № 3. — С. 38–42.
11. Шустров Д.Г. *Институты гражданского общества: виды, взаимодействие, эффективность* / Д.Г. Шустров // *Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы* / под ред. С.А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2015. — С. 46–62.
12. Тащёва А.И. *Российская семья как ресурс и диагностический критерий противодействия экстремизму и терроризму* / А.И. Тащёва // *Российский психологический журнал*. — 2010. — Т. 7, № 5-6. — С. 115–120.
13. Пишикина Н.И. *Семья как субъект предупреждения экстремизма и терроризма* / Н.И. Пишикина // *Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом : материалы науч.-практ. конф.* — Ставрополь, 2015. — С. 58–62.
14. Орлов И.А. *Меры борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]* / И.А. Орлов // *Науковедение : интернет-журн.* — 2013. — Вып. 6 (19). — Режим доступа: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-6-13-economy-management>.
15. Abbas T. *Perception of the processes of radicalisation and de-radicalisation among British South Asian Muslims in a post-industrial city* / T. Abbas, A. Siddique // *Social Identities*. — 2012. — Vol. 18, iss. 1. — P. 119–134. — DOI: 10.1080/13504630.2011.629519.
16. Хадысов М.А. *Исследование причин и условий экстремизма как основа формирования политики противодействия экстремизму (криминологический аспект)* / М.А. Хадысов // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 2-8. — С. 1811–1814.
17. Чекалина А.А. *Превенция экстремизма молодежи: опыт Великобритании* / А.А. Чекалина // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 9-11. — С. 2556–2560.
18. Патрушева И.Н. *Роль семьи в формировании духовно-нравственной личности* / И.Н. Патрушева // *Теория и практика образования в современном мире : материалы 4-й междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, янв. 2014 г.)*. — СПб. : Занев. площадь, 2014. — С. 192–197.

19. Алексеева Л.А. Экстремизм как угроза национальной безопасности России / Л.А. Алексеева // Наука и практика. — 2015. — № 2 (63). — С. 8–10.
20. Нунуев С.-Х.М. Направления конфессиональной политики Российской Федерации в отношении исламских религиозных объединений в контексте обеспечения национальной безопасности / С.-Х.М. Нунуев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 3 (44). — С. 161–167.
21. Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России / М.А. Яворский // Юридический мир. — 2008. — № 11. — С. 22–25.
22. Миряйкин И.Ю. Проблема взаимодействия терроризма и религиозного экстремизма с СМИ / И.Ю. Миряйкин // Система ценностей современного общества. — 2016. — № 45. — С. 162–166.
23. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. — М. : Эксмо, 2010. — 732 с.
24. Лимарева Е.С. Субъекты противодействия терроризму / Е.С. Лимарева // Наука и практика. — 2015. — № 2 (63). — С. 71–73.
25. Попова Л.В. Противодействие экстремизму в пространстве Интернета / Л.В. Попова // Российский психологический журнал. — 2011. — Т. 8, № 5. — С. 36–40.
26. Дзялошинский И.М. Российские СМИ: как создается образ врага: статьи разных лет / И.М. Дзялошинский, М.И. Дзялошинская. — М. : Акад., 2007. — 168 с.
27. Душин А.В. Экстремизм и двойная мораль в СМИ / А.В. Душин // Экстремизм и средства массовой информации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — СПб. : Астерион, 2006. — С. 18–20.
28. Выговская Д.Г. СМИ: в фокусе внимания экстремизм или толерантность? / Д.Г. Выговская // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 21 (312). — С. 119–122.
29. Бурова Ю.В. Оправдание терроризма и экстремизма через СМИ как угроза информационной безопасности в современной России / Ю.В. Бурова, И.В. Брежнев // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2015. — № 1 (9). — С. 81–85.
30. Епифанцев В.А. Государственная система противодействия экстремизму в условиях современного российского общества / В.А. Епифанцев, Д.В. Сочнев // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : 19-я междунар. науч. конф., 25–26 мая 2010 г. : [сб. тр.] / редкол.: В.И. Кирин (отв. ред.) и др. — М. : Акад. упр. МВД России, 2010. — С. 141–144.
31. Schils N. Explaining violent extremism: the role of new social media [Electronic resource] / N. Schils, L. Pauwels // European Society of Criminology 2013 Conference. — Budapest : Univ. Gent, 2013. — Mode of access: <https://biblio.ugent.be/publication/4147823>.
32. Сочнев Д.В. Преемственность российского законодательства, регламентирующего противодействие молодежному экстремизму (из опыта деятельности СМИ ОВД) / Д.В. Сочнев, Е.Г. Трухина // Юридическая техника. — 2011. — № 5. — С. 446–450.
33. Троицкая Е.В. Особенности конституционно-правового регулирования участия органов местного самоуправления в противодействии терроризму и экстремизму в Российской Федерации / Е.В. Троицкая // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 2 (32). — С. 223–227.
34. Сальников Е.В. Органы местного самоуправления как субъект противодействия экстремизму / Е.В. Сальников // Государственная власть и местное самоуправление. — 2006. — № 6. — С. 33–34.

REFERENCES

1. Clutterbuck R. *Terrorism, Drugs and Crime in Europe after 1992*. London, Taylor and Francis, 1990. 256 p.
2. Ustinov V.V. *Mezhdunarodnyi opyt bor'by s terrorizmom: standarty i praktika* [International Experience in Counteracting Terrorism: Standards and Practice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002. 560 p.
3. Laqueur W. *The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction*. New York, Oxford University Press, 1999. 320 p.
4. Backes U. *Politische Extreme. Eine Wort — und Begriffsgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 310 S.
5. Wahl K. Development of Xenophobia and Aggression. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2002, vol. 26, iss. 2, pp. 247–256.
6. Zinchenko Yu.P. Extremism from the perspective of a system approach. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2014, vol. 7, iss. 1, pp. 23–33. DOI: 10.11621/pir.2014.0103.
7. Bjorgo T. Dreams and disillusionment: engagement in and disengagement from militant extremist groups. *Crime, Law and Social Change*, 2011, no. 55, iss. 4, pp. 277–285. DOI: 10.1007/s10611-011-9282-9.
8. Baeva L.V. Extremism: nature and manifestations. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2008, no. 3, pp. 21–25. (In Russian).
9. Pirbudagova D., Musalova Z. Some Aspects of Countering the Extremist Ideology in the Russian Regions. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 6 S5, pp. 122–128. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s5p122.
10. Rogovaya A.V. On Interaction between Law Enforcement Agencies and Civil Society in Counteracting the Expansion of the Ideology of Extremism and Terrorism (Expert Opinion). *Monitoring pravoprimereniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2013, no. 3, pp. 38–42. (In Russian).
11. Shustrov D.G. Civil society institutions: types, interaction, efficiency. In Avakyan S.A. (ed.). *Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeistviya ekstremizmu: klyuchevye konstitutsionno-pravovye problemy* [Civil Society as a Guarantee of Political Dialogue and Extremism Counteraction: Key Constitutional and Legal Problems]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2015, pp. 46–62. (In Russian).

12. Tashchyova A.I. The Russian Family as a Resource and Diagnostic Criterion of Counteraction to Extremism and Terrorism. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2010, vol. 7, no. 5-6, pp. 115–120. (In Russian).
13. Pishikina N.I. Family as the subject of preventing extremism and terrorism. *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of the Theory and Practice of Counteracting Extremism and Terrorism. Research Conference Materials]. Stavropol, 2015, pp. 58–62. (In Russian).
14. Orlov I.A. Measures to fight against terrorism. *Naukovedenie. Internet-zhurnal = Sociology of Science. Internet Journal*, 2013, iss. 6 (19). Available at: <https://naukovedenie.ru/index.php?p=issue-6-13-economy-management>. (In Russian).
15. Abbas T., Siddique A. Perception of the processes of radicalisation and de-radicalisation among British South Asian Muslims in a post-industrial city. *Social Identities*, 2012, vol. 18, iss. 1, pp. 119–134. DOI: 10.1080/13504630.2011.629519.
16. Khadysov M.A. Research of the reasons and conditions of extremism as basis of formation of policy of counteraction to extremism (criminological aspect). *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2015, no. 2-8, pp. 1811–1814. (In Russian).
17. Chekalina A.A. Prevention of extremism of youth: experience of Great Britain. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2014, no. 9-11, pp. 2556–2560. (In Russian).
18. Patrusheva I.N. The role of the family in the formation of a moral personality. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire. Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, yanvar', 2014 g.* [The Theory and Practice of Education in the World Today. Materials 4th of International Scientific Conference, Saint Petersburg, January, 2014]. Saint Petersburg, Zanevskaya Ploshchad Publ., 2014, pp. 192–197. (In Russian).
19. Alekseeva L.A. Extremism as a Threat to the National Security of Russia. *Nauka i praktika = Science and Practice*, 2015, no. 2 (63), pp. 8–10. (In Russian).
20. Nunuev S.-H.M. Directions of confessional policy of the Russian Federation on the Islamic religious associations in the context of national security procuring. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2015, no. 3 (44), pp. 161–167. (In Russian).
21. Yavorsky M.A. The causes and conditions for the manifestations of religious extremism in Russia. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2008, no. 11, pp. 22–25. (In Russian).
22. Miryaikin I.Yu. The problems of interrelations between terrorism and religious extremism in mass media. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva = The Value System of Modern Society*, 2016, no. 45, pp. 162–166. (In Russian).
23. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds). *Kontseptsii razvitiya rossiiskogo zakonodatel'stva* [The Concepts of the Development of Russian Legislation]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 732 p.
24. Limareva E.S. Subjects of Counteraction to Terrorism. *Nauka i praktika = Science and Practice*, 2015, no. 2 (63), pp. 71–73. (In Russian).
25. Popova L.V. Counteraction to Extremism in the Cyberspace. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2011, vol. 8, no. 5, pp. 36–40. (In Russian).
26. Dzyaloshinsky I.M., Dzyaloshinskaya M.I. *Rossiiskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga: stat'i raznykh let* [Russian Mass Media: How the Image of the Enemy is Created: Articles of Different Periods]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 168 p.
27. Dushin A.V. Extremism and Double Moral Standards in Mass Media. *Ekstremizm i sredstva massovoi informatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Extremism and Mass Media. Materials of All-Russian Research Conference]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2006, pp. 18–20. (In Russian).
28. Vygovskaya D.G. Mass Media: is Attention Focused on Extremism or Tolerance? *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 21 (312), pp. 119–122. (In Russian).
29. Burova Yu.V., Brezhnev I.V. Justification of terrorism and extremism in the media as information security threats in modern Russia. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*, 2015, no. 1 (9), pp. 81–85. (In Russian).
30. Epifantsev V.A., Sochnev D.V. The state system of counteracting extremism in the conditions of contemporary Russian society. In Kirin V.I. (ed.). *Informatizatsiya i informatsionnaya bezopasnost' pravookhranitel'nykh organov. 19-ya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, 25–26 maya 2010 goda* [Informatization and Information Security of the Law Enforcement Bodies. The 19th International Research Conference, May 25–26, 2010]. Moscow, the Academy of Management of the Russian Internal Affairs Ministry Publ., 2010, pp. 141–144. (In Russian).
31. Schils N., Pauwels L. Explaining violent extremism: the role of new social media. *European Society of Criminology 2013 Conference*. Budapest, University Gent, 2013. Available at: <https://biblio.ugent.be/publication/4147823>.
32. Sochnev D.V., Trukhina E.G. Continuity of Russian legislation regulating the counteraction to youth extremism (using the experience of mass media of internal affairs' departments). *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2011, no. 5, pp. 446–450. (In Russian).
33. Troitskaya E.V. Features of Constitutional and Legal Regulation of Participation of Local Governments in Counteraction to Terrorism and Extremism in the Russian Federation. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningradskiy Juridical Journal*, 2013, no. 2 (32), pp. 223–227. (In Russian).
34. Salnikov E.V. Local governance bodies as the subject of extremism counteraction. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2006, no. 6, pp. 33–34. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пирбудагова Диана Шамильевна — заведующий кафедрой конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Махачкала, Российская Федерация; e-mail: kafedraconst@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pirbudagova, Diana Sh. — Head, Chair of Constitutional and International Law, Law Institute, Dagestan State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Makhachkala, the Russian Federation; e-mail: kafedraconst@mail.ru.

Мусалова Заира Магомедовна — доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Махачкала, Российская Федерация; e-mail: zaira2378@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пирбудагова Д.Ш. Роль институтов гражданского общества в противодействии экстремизму в России / Д.Ш. Пирбудагова, З.М. Мусалова // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 784–793. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).784-793.

Musalova, Zaira M. — Ass. Professor, Chair of Constitutional and International Law, Law Institute, Dagestan State University, Ph.D. in Law, Makhachkala, the Russian Federation; e-mail: zaira2378@mail.ru.

FOR CITATION

Pirbudagova D.Sh., Musalova Z.M. The role of civil society institutions in counteracting extremism in Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 784–793. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).784-793. (In Russian).